

Jim Crace

THE MELODY

Джим Крейс

Мелодия

Москва
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К79

Jim Crace
THE MELODY

Copyright © Jim Crace, 2018

Перевод с английского *Г. Крылова*

Художественное оформление *А. Ивановой*

Крейс, Джим.

К79 Мелодия / Джим Крейс ; [пер. с англ. Г. Крылова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-100596-2

Даже самая простая мелодия может быть обманчивой.

Альфред Бузи — звезда небольшого городка, известный своими песнями и музыкой. Мистер Ал, как его зовут близкие, скорбит о покойной жене в одиночестве на своей большой вилле на берегу моря. Однажды ночью на Бузи кто-то нападает — не голодное животное, а дикий ребенок. Этот случай возрождает старые слухи: возможно, в лесах вокруг города живет древняя раса, как-то связанная с бродягами, заполонившими улицы. Вопрос с ними нужно решить — раз и навсегда.

Лиричный и завораживающий, эпичный и обескураживающе личный, «Мелодия» — это роман о скорби и славе, о любви к музыке, которая остается с тобой навсегда.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Крылов Г., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100596-2

...но мы уже устали от благочестия галерей и кричащей безвкусицы церковей. Теперь мы идем по Аллее славы, где среди бюстов и бронзовых изваяний малой ценности видим обнаженное тело в натуральную величину, помещенное сюда путем добровольного пожертвования в 1939-м. Гид заверяет нас, что мальчик спускается со своего пьедестала по ночам и бедокурит в городе. Он сам был тому свидетелем — бедокурству и пьедесталу, хотя ребенка и не видел.

Ален Танкред.

*«Сто городов с характером и обаянием»
(исправленное издание, 1952)
в переводе автора*

Часть первая

САД ПОПРОШАЕК

1

Альфред Бузи — *мистер Ал* — нередко просыпался посреди ночи и слышал какофонию звуков, производимых животными, которые искали еду в его и соседских металлических мусорных бачках или пили воду из открытого водостока, уже использованную воду, в которой обитатели двух домов почистили зубы, постирали белье и помыли посуду. Когда он был женат, рассказывал он мне, такие сомнительные происшествия ничуть его не беспокоили. Ему нужно было только снова прижать нос к теплой материи ночной рубашки жены в его постели, а там хоть пара минотавров приходи к мусорному бачку, его бы это ничуть не взволновало. Он больше тридцати лет был абсолютно счастлив с Алисией, *миссис Ал*, его женой, и сверх этого почти ничего не хотел. Но в безлюбивные тусклые времена, которые наступили с вдовством и возрастом, ему приходилось спать одному, а потому его могли беспокоить мусорные бачки и водостоки, или по меньшей мере они отвлекали его от сна. И тогда он поднимался с кровати, шел на цыпочках босиком выглянуть в высокое окно, которое выходило во двор и отчасти на западную

часть города. За два года после смерти Алисии он перевидал — и составил список в ежедневнике на письменном столе — целый бестиарий собак и кошек. Помимо них один раз заявила обезьяна, приходили олени обыкновенные, прилетали пчелиные рои обыкновенные, заглядывали дикая свинья, птица, слишком черная и неотчетливая, чтобы ее можно было назвать с уверенностью, рептилии, голуби, грызуны самых разных видов — не только крысы, хотя крысы сбегались целыми полчищами, — и, естественно, бедняки. Если он бывал расточителен, выбрасывая обрезки и куски, вполне приличные, которые и сам бы мог съесть, то делал это ради бедняков.

В ту майскую ночь, когда Бузи получил порезы и синяки на шее и лице — мы видели фотографии, — погода стояла влажная, бесшабашный ветер был исполнен намерения никому не дать уснуть. Но Бузи, вероятно, так или иначе мало спал. Он выпил чуть больше обычного, три или четыре сладкие порции ликера «Булевар», любимого дамского напитка Алисии, а потому головная боль, воодушевляемая тревогами грядущего дня, была неизбежна. Он согласился нацепить свои медали, надеть костюм и произнести речь. Такая перспектива могла встревожить кого угодно, даже человека, который в свое время пел в лучших театрах и концертных залах, а один раз, много лет назад, неподалеку отсюда, почти для всех жителей города. Его пение передавалось со сцены на уличные громкоговорители; «скромный дар для нуждающихся и безбилетников», сказал

он, в надежде, что скромность ниспослана не только ему, но и его дару.

Бузи не пытался обманывать себя, когда дело касалось музыки. Он знал, что его певучий голос в последнее время потерял некоторую долю гулкости и верхов. Возраст ослабил его и ухудшил, как и положено. Но то, что он утратил в диапазоне, он добрал в мастерстве, в умении скрывать большинство своих недостатков, использовать новейшие микрофоны, чтобы усилить звучание и объем, пританцовывать и вибрировать всем телом, сохраняя неподвижную позу, приборматывать, словно любовник или наперсник, а не мощно сотрясать воздух, что у него неплохо получалось в молодости; «маэстро акустики с грудью бочкой», «площадной глашатай песни», человеческий мегафон. Так что даже в возрасте шестидесяти с чем-то лет он ничуть не волновался перед представлением. Кроме того, местá, где он продолжал время от времени давать представления своего знаменитого, опробованного репертуара верным поклонникам и случайным слушателям, которых мог привлечь его голос, были в большинстве случаев малыми залами или барами недалеко от дома, а не просторными залами где-нибудь за границей. Ему было все равно — он даже приветствовал это, — что иногда его теперешний гонорар состоял из одних аплодисментов. У него были кое-какие накопления от самых его успешных лет, и он владел семейным домом. Когда он стал вдовцом, его привязанность к дому стала единственной любовью, которой он мог похвастаться. Тот факт, что он не

продавал его, не «доил рынок», как его вынуждали, подталкивали поступить, и в последнее время все чаще, был предметом его скромного удовлетворения.

Предложения от посредников, архитекторов и агентов — ни один из них не имел намерения жить в этой вилле и наслаждаться жизнью, они всего лишь собирались снести ее — доставлялись к его двери в жестких рельефных конвертах, но по большей части оставались непрочитанными. Бузи знал, что с финансовой точки зрения это было недаленовидно, но мудро со всех других сторон. Он легко мог убедить себя, что быть преданным месту, в котором живешь, и защищать его не является проявлением собственности, а всего лишь правовой титул и владение совокупностью стен и потолков. Нет, комнаты не могут быть утешительными компаньонами, в особенности если они были увешаны и обставлены твоей женой. Выбор и решение всегда принадлежали ей. Ее тело отпечаталось в подушках и креслах; в ее обществе состарились и посеребрились зеркала; эта завитушка, образованная кольцевыми отметинами на столешнице, образовалась там, где жена тысячу раз ставила свою чашку; к этим старинным хрустальным стаканам прикасались ее губы; это одеяло укрывало ее в тот день, когда она ушла. Смерть не убирает за собой, не подметает, уходя. Все мы оставляем следы не только в виде праха и костей. Ее прах все еще находился дома в урне из латуни и розового дерева, стоял на крышке рояля; она — Алисия — слегка дребезжа-

ла с fortissimo¹. Ее прах давно следовало развеять в каком-нибудь мирном месте, но ее мужу невыносима была мысль об окончательном расставании с нею.

Их дом (одна из немногих сохранившихся прибрежных вилл в старом конце набережной, за новыми отелями, ресторанами, модными, выстроенными полумесяцем и отделанными мрамором многоквартирными домами с их дорогостоящими щелками вида на океан) был их общей любовью. Из великолепного — величественного — окна второго этажа с его овальным кованым балконом и шелушащейся краской открывалось три контрастных и отчетливых вида, которые добавляли ценность тому, что за последние годы, после Алисии, стало «разваливающейся собственностью». На западе открывался узкий вид на город — прибрежная улица с магазинами, несколько современных фасадов, захудалый аквариум и небесная линия, резко поднимающаяся от бухты, линия, которая главным образом представляла собой нетронутый фриз исторических башен, куполов и шпилей. На востоке с балкона виднелись проблески поросших лесом склонов и противящихся прогрессу остатков леса вдаль, единственная тень среди дня, которая была рядом с нашим городом, чуть ли не дикие места, ограниченные защитной полосой деревьев, втиснутой между зданиями и прибрежными утесами. Это было то, что французы назвали бы

¹ Здесь: при громких звуках инструмента. — *Здесь и далее примеч. пер.*

garigue¹, но мы, родившиеся здесь, знали как *лесок*, путанный, благовонный, солеустойчивый лабиринт облепихи, рожковых деревьев и низкорослых сосен. А что касается фасада? Мощеная площадь для разворота машин и экипажей и аляповатый искусственный сад со скамейками, с которых прохожие могут видеть ослепительное кино моря.

Здесь днем по воскресеньям и в летние вечера наиболее осторожные горожане в отполированных туфлях заканчивали свои прогулки по набережной и направлялись в город по плитам мостовой, а не по опасному для щиколоток галечному берегу; не рисковали они и углубляться в лес по заросшим тропинкам. Те, кто постарше, поднимали взгляд на дом, они, вероятно, знали, что их *мистер Ал* всю жизнь прожил здесь. Не он ли собственной персоной стоит у окна с романом в руке? Неужели это он, старый и обнаженный от поясницы и выше, балансирует на стуле, меняя лампочку? Неужели это певец демонстративно завтракает в одиночестве на своем балконе? А потом они, возможно, ловили себя на том, что напевают себе под нос «Вавилон, Вавилон» или «Тонущий моряк говорит о любви». Эти названия все еще приносили Бузи скромные роялти и поддерживали его репутацию — хотя и не героя его песни — на плаву, так что голова торчала над водой.

Да, Бузи был скромно процветающим человеком, процветающим во всем, кроме, давайте

¹ Г а р и г а (гаррига) — низкорослые заросли вечнозеленых кустарников и низких деревьев.

скажем это, любви. Пусть у него больше не возникло настоящей потребности спеть перед ужином, но он всю жизнь был предан музыке, а потому надеялся, что будет петь до последнего часа жизни. И он хотел сообщить публике, что на собственных похоронах присоединится к псалмам и литургии. Они будут прижимать уши к крышке гроба, чтобы уловить его несмолкающий голос или услышать пение из маленькой урны с его прахом. Это будет его собственным вознаграждением. И их. Да, *мистер Ал* будет держать всех в напряжении до самого конца. Никто из тех, кто знал его, не сомневался в этом. Он сам никогда в этом не сомневался. Тем не менее произнесение официальной речи в галстук и даже без рояля у него под боком, что он попытался прорепетировать в полдень, будет тяжелым испытанием. То, что он называл своей «отсутствующей конечностью», будет выставлено на всеобщее обозрение; у него никогда не было дара смешить людей, способности развлекать — только пением. А потому одна мысль о том, что он будет стоять и говорить, а не петь, завязывала его желудок жестко и плотно, словно туфли шнурком. Бузи отчаянно требовалось шесть или семь часов спокойного сна, если он хотел встретить этот день хоть с какой-то долей уверенности.

Но в ночь перед произнесением речи банкет зверья во дворе был необычно шумным. Обычно ночные мародеры начинали с водопоя у дренажного стока, а потом брали то, что могли, самое легкое, обрезки, ошметки и все, что можно схватить и утащить через вентиляционные отверстия

и дыры в мусорных бачках. Потом они очень быстро уходили в какое-нибудь другое место, и Бузи оставался в тишине, отдыхал, а то и спал. Но на сей раз ветер помог более крупным иждивенцам, голод придал им силы и смелости настолько, что они стали переворачивать бачки, вываливая содержимое. Контейнеры были полны и готовы к вывозу отходов, так что там хватало добра, чтобы задержать иждивенцев во дворе и довольно долго не давать уснуть соседям.

Бузи второй раз за эту ночь посмотрел из окна спальни. Тучи заволокли луну и звезды. Единственный свет от фонарных столбов на набережной с фасадной стороны дома был слишком слабым и далеким, чтобы проникнуть во двор. Он повернул ухо к четырем стеклянным панелям. В эти темные часы всегда можно было больше услышать, чем увидеть — не только животных, но и порывы ветра, шорох и потрескивание деревьев, постукивание расхлябанных ворот, а еще дальше — море.

Мародеры у бачков обычно следовали по протоптанным звериным тропинкам через лесок и приходили к каменистому известняковому откосу с задней стороны его виллы. Бузи не поднимался по этому откосу со времен детства, но он до сих пор помнил растянутые связки щиколоток и руки в синяках, едкое жжение мази, которой растирала его мать. Лесок за его домом и к востоку от него был опасным и располагался на крутом склоне, а потому любое существо, спускавшееся во двор и выходявшее на открытое пространство, неминуемо сообщало о своем по-

явлении либо ползущей вниз известняковой щелбенкой, либо падающим камнем, либо треснувшей веткой, и Бузи мог ожидать в шумные ночи жестяную симфонию мусорных бачков и звуки драк, лая и остерегающего рычания животных.

Были, конечно, и обычные звуки. И движение. Теперь, когда его глаза привыкли к сумраку, Бузи видел неотчетливые очертания своих гостей и сверкающие глаза котов, но больше почти ничего. Когда Алисия была жива, он не раз видел факелы во дворе и тогда понимал, что на трапезу собрались люди, какие-то бродяги, надеясь на подачку богача, нищие из сада Попрошаек, которые пришли во двор, чтобы попинать своими драными ботинками всякую дрянь — может, под ней обнаружится что-то съедобное, или полезное, или ценное, или яркое. Бедняки вели себя тише, чем животные, и воинственнее. Эти люди были одновременно и хищниками, и жертвами и понимали, чем им грозит незаконное проникновение на чужую территорию, если они будут пойманы. Они поднимали крышки и переворачивали бачки с той же осторожностью, с какой служанки распаковывают фарфор. Только раз один из них попытался проникнуть на виллу, но он — а может, она — перетрусил, как только увидел два лица, смотревших сквозь стекло высокого окна. Бузи и Алисию разбудили звуки силой распахнутых ворот во дворе — не тихое проникновение на их территорию, доведенное до совершенства животными, — теперь они увидели испуганного гостя и его отступление, услышали стихающие шаги на улице.